
ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: НОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.

Материалы круглого стола сотрудников Российского университета дружбы народов

Кафедра сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

9 апреля 2012 г. на факультете гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов был проведен круглый стол «Гражданское общество: новые измерения и политическая роль в современном мире». Заседание круглого стола было подготовлено кафедрой сравнительной политологии РУДН как «подведение итогов» Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» 2009—2011 гг. (проект РНП.2.1.3/6045 «Гражданское общество: теория и современная практика в мировом и российском измерениях»).

Ключевые слова: гражданское общество, политическая модернизация, демократизация, политический процесс.

ВЫСТУПЛЕНИЯ ДОКЛАДЧИКОВ

Н.С. Кирабаев

Гражданское общество: преодоление стереотипов

1. Философское осмысление современных проблем гражданского общества в контексте процессов глобализации требует ответа на следующий важный вопрос: каким образом соотнести глобализацию, ориентированную на ценности единства, целого и общего и выражающую усиление потребности мира в единой экономической, политической и других сфер жизни с господством национально-государственных форм хозяйствования и доминирования дифференциации по культурным основаниям, идентификации по большому количеству признаков, а также плюрализма мнений в обществе? В этой связи наиболее сомнительными кажутся три постулата теорий глобализации: кризис традиционной модели государства и уменьшение роли государства; модернизация как вестернизация — естественный результат глобализации; «демократическая однополярность» как предпочтительный способ социальной самоорганизации.

2. Если рассматривать развитие западных стран за последние 200 лет в рамках теории модернизации, в основе которой находилась Европа, а в XX столетии США как универсальные модели развития человечества, то сегодня очевидно, что глобализация как новая форма теории модернизации не является единственно правильным путем развития мира.

Не случайно нынешний кризис глобального либерального мироустройства с очевидностью показал, что оно не оправдало возложенных на него надежд.

Глобализация не работает так, как ожидалось, и вопреки ожиданиям даже в наиболее развитых странах уровень жизни целых слоев населения падает, а торжество демократии отсутствует.

Современный мир все более теряет свою устойчивость. Не случайно, например, острая дискуссия развернулась после публикации книги „Германия — самоликвидация“ бывшего члена правления Бундесбанка Тило Саррацина.

Какие выводы можно сделать после громкого скандала вокруг книги Тило Саррацина «Германия: самоликвидация, или как мы ставим на кон свою страну?»

Во-первых, по признанию канцлера Германии Ангелы Меркель, политика мультикультурализма, предусматривающая добрососедское сосуществование людей различных культур и религий, провалилась.

Видимо, речь идет не только о теории и политике мультикультурализма, но, в первую очередь, о практике, то есть на самом деле речь идет о кризисе традиционного представления о гражданском обществе.

Не случайно Т. Саррацин особо подчеркнул, что продолжение действующей политики в отношении иммигрантов повлечет исламизацию страны и крах ее экономической системы. После того, как многие немецкие политики обвинили автора книги в ксенофобии, выяснилось, что его точку зрения разделяют большинство граждан страны. Поэтому также не случайно канцлер ФРГ отметила, что необходимо активнее стимулировать приезжих к полноценному вхождению в общество, то есть речь идет уже не о мультикультурализме, а об ассимиляции.

Вместе с тем для нас важны вопросы теории и практики мультикультурализма, поскольку о провале политики мультикультурализма заявили и президент Франции, и премьер-министр Великобритании.

Во-вторых, безусловно важное значение для понимания современных моделей гражданского общества имеют и события так называемой «арабской весны».

Кроме того, ПАСЕ подавляющим большинством голосов 5 октября 2010 г. приняла резолюцию «Борьба с экстремизмом: достижения, недостатки и провалы». Основная идея этого документа — мусульманский экстремизм является реакцией на исламофобию. Это политическое признание Парламентской ассамблеи, безусловно, должно иметь и свое теоретическое объяснение.

3. Системный кризис, пик которого пришелся на 2008—2009 гг., по мнению ряда исследователей, рассматривается как уже состоявшийся «кризис современности» со всеми вытекающими отсюда последствиями как для существующих моделей общественного развития, претендующих на универсальность, так и для практики современной жизни.

Следует отметить, что еще в 2003 г. Иммануил Валлерстайн в своей книге «Конец знакомого мира» говорил о «конце мира, каким мы его знаем», т.е. речь идет о «мире капитализма» и «мире знания» в том смысле, «в каком он составляет нашу реальность, и мир, известный нам в меру его понимания нами».

Таким образом, Валлерстайн констатировал кризис методологии социальных наук: «мы бродим по темному лесу и не вполне понимаем, в каком направлении следует идти. Думаю, что нам необходимо как можно скорее обсудить все это вместе...».

4. В основе западных моделей гражданского общества лежит, как правило, преувеличение роли секуляризма в развитии гражданского общества и преувеличение роли секуляризма как основы модернизации западных стран.

Принято считать, что в условиях индустриального и постиндустриального общества влияние религии на общество и граждан снижается.

Однако, как отмечал Ф. Фукуяма в опубликованной 13 марта 2005 г. в *New York Times* статье «Кальвинистский манифест для эпохи глобализации»: «В то же время надо безоговорочно признать, что религия и религиозные чувства не умерли. И не только из-за воинственности исламистов, а также потому, что развивается протестантско-евангелистское движение, которое по численности сторонников составляет конкуренцию фундаменталистскому исламу как источник истинной религиозности... Все это говорит о том, что секуляризация и рационализм вовсе не обязательно служат модернизации».

За последние годы стало очевидным, что роль религии не только не уменьшилась, но и значительно возросла. Более того, религиозный фактор становится все более значимым.

Это утверждение представляется справедливым в отношении ислама. За последние столетия влияние ислама в странах мусульманского Востока не только не снизилось, но и возросло, что свидетельствует не в пользу секуляризма.

История арабских и других мусульманских стран показывает, что за последние сто лет ответной реакцией на секуляризм стало зарождение и распространение различных исламских движений, в том числе и радикальных. В основе идеологии этих движений лежит идея противостояния тем интеллектуальным и политическим проявлениям колониального порядка, которые, с их точки зрения, были направлены против ислама и мусульман и направлены на «вестернизацию» и лишения их культурной идентичности.

5. С очевидностью следует констатировать, что многочисленные философские теории и методологии, претендующие на универсальность, показали свою несостоятельность.

Необходимо отметить и переоценку западных моделей демократии как скрепов гражданского общества с точки зрения их как универсальных моделей.

Как известно, после распада Советского Союза Фрэнсис Фукуяма в своей известной статье объявил о «конце истории» и утверждении либеральной однополярности как единственного способа социальной самоорганизации. В 1993 г. была опубликована статья Самуэля Хантингтона о столкновении цивилизаций, в которой эта либеральная однополярность уже рассматривалась как универсальная и «миссионерская», в соответствии с которой определялись формы взаимодействия западной цивилизации с другими цивилизациями. Сегодня можно сказать, что примеры Ирака, Афганистана, Ливии и Сирии говорят о принуждении силой развития этих стран по образу и подобию западных моделей. Не случайно даже говорят о необходимости спасения капитализма от господствующей идеологии неоллиберализма, который рассматривал свои ценности как имеющие общемировое значение. Как отмечал профессор North-West University Г. Дерлугьян, что, говоря сегодня о кризисе, мы должны ответить на вопрос — это шумпетеровское «созидательное разрушение» устаревших монополий... или смещение центров мировой цивилизации и геополитической мощи, что 500 лет централизовывали всю мироземную систему вокруг западного ядра.

П.К. Гречко

**Этничность и гражданственность:
природа исторической связи**

Я бы хотел остановиться на взаимоотношении гражданственности и этничности. Историческая ситуация современности, сдобренная глобализацией, высветила всю проблемность этого взаимоотношения. Но прежде чем пойти дальше — в обозначенном направлении, нам необходимо уточнить исходные понятия.

Гражданственность — это не юридически-паспортная, а ценностно-нормативная принадлежность, и не к государству, а к нации как гражданско-политической общности людей. Можно быть гражданином того или иного государства и быть чуждым его гражданственности, если, разумеется, она у него имеется. Есть государства без наций в указанном выше смысле; там государственное, а фактически бюрократическое, и национальное совпадают, когда, например, говорят о национальных интересах страны или о национальной безопасности.

Важно различать также этнос и этничность. «Этнос», если перевести это слово с греческого (*ethnos*) на собственно русский язык, означает «народ». Народы — фактическая данность нашей жизни, с ними остается только считаться. В некоторых контекстах «народ» является синонимом «нации». Вспомним начало Конституции США: «We the People of the United States...».

Народ (*the People*) Соединенных Штатов полиэтничен и в то же время внутренне един. И объединяется он не во славу мифической общности происхождения и культуры, а «in order to form a more perfect Union, establish Justice, insure domestic Tranquility, provide for the common defence, promote the general Welfare, and secure the Blessings of Liberty to ourselves and our Posterity...» («дабы образовать более совершенный Союз, установить правосудие, гарантировать внутреннее спокойствие, обеспечить совместную оборону, содействовать общему благоденствию и закрепить блага свободы за нами и потомством нашим»).

Весьма симптоматична устремленность в будущее Американской Конституции. Определенно народ совпадает здесь с нацией, гражданско-политическим союзом людей.

Этничность — это не просто атрибутивная определенность народа-этноса, т.е. совокупность его отличительных признаков, а примордиальная определенность данного народа, положенная в основу всей его жизни, прежде всего политики, государственного строительства. Ясно, что проблемный нерв предложенного определения — примордиальность. Но что это такое? Из общелингвистических словарей (*Oxford, Webster's*) узнаем, что «примордиальность» (от лат. *primordialis, primordium*) означает «существующий с самого начала, первобытный, примитивный, первичный, рудиментарный, или зачаточный».

Первобытность — а она в ряду значений «этнической примордиальности» стоит на первом месте — можно трактовать достаточно широко. Не только диахронно, в терминах времени (древнейшая эпоха), но и синхронно, в терминах актуального функционирования. Для *homo ethnikos* первая «бытность» одновременно и лучшая, первее всех. Ее коннотативное «прежде всего» выражает не временную очередность, а явную предпочтительность.

То есть этнические основания жизни не обязательно древние, но отношение к ним не просто традиционное, а традиционалистское — некритическое, стихийно, в виде своеобразного общественного инстинкта принимаемое.

Словом, примордиальность есть общая характеристика отношения человека этнического к тому, что положено или ушло в основание его образа жизни.

На поверхности бытия, т.е. применительно к «человеку с улицы», все это выглядит (и стихийно переживается) как полное доверие к истории и ее возрожденческому встраиванию в современность.

Этническая примордиальность — это помочи, проще говоря, подтяжки, которые консервируют состояние бытийной несамостоятельности человека (индивида). Консервируют — значит удерживают (от самостоятельных шагов, рисков свободного мышления, от роста как личности) и поддерживают (чтобы не упал, все-таки выжил, продолжился, сохранился). Нам понятен в данной связи А. Шлезингер, считающий «культ этничности» разновидностью «культурного и лингвистического апартеида».

Когда-то этничность была органична историческому развитию общества (человечества). Но ближе к Новому времени — речь о Западной цивилизации, разумеется, — симбиоз этничности и историчности начал давать сбои, в нем намечилось рассогласование, переросшее в явное противоречие, даже конфликт.

Важнейшим событием этого эволюционного процесса стало подписание Вестфальского мира (1648), положившего начало формированию национальных государств, *nation-state* в английской редакции.

С этого момента, условно говоря, неотъемлемой составной частью истории становится нациостроительство, т.е. формирование нации как гражданско-политической общности людей, а значит и гражданственности как общей ценностно-нормативной базы.

Под напором модернизации-рационализации и рыночных отношений, института (со)гражданства, единой системы школьного образования, общего («лингвистический национализм») языка и общей культуры, а также в критических ситуациях, легитимного государственного насилия этнос как этничность вытесняется на обочину общественно-исторического процесса. Складывается национальная — как над- и постэтническая — идентичность. В ее контексте четко просматривается общее политико-правовое, культурное и информационно-коммуникативное пространство.

Судя по сказанному, мое отношение к этничности явно негативное.

Но значит ли это, что я требую ее форсированного преодоления, отмены, упразднения? Ни в коем случае.

Нельзя отменить то, что продолжает существовать и действовать, — это задача практики, а не теории. Я просто призываю не разыгрывать этническую карту, не подогревать соответствующие настроения, но главное — не рядить этничность в политические одежды, не оформлять ее государственным образом (титульная нация и т.п.), не требовать совпадения государственных границ с этногеографическими пунктирами бытия (в конце концов, есть национально-культурная автономия).

Этничность тянет нас в прошлое и потому расходится с социальным прогрессом, всегда направленным в будущее и ищущим там решение наших сегодняшних проблем.

Различительным признаком современного человека должно быть не «Какого ты роду-племени?», а «Что ты реально умеешь делать?».

В противном случае этничность грозит выродиться в этнократизм, а это хорошо известный всем расизм, только в более мягкой, скрывающей или прикрывающей форме.

Гражданское и этническое достоинства чем дальше, тем больше расходятся, достигая явной оппозиции в ситуации современности.

Наш случай в данной связи можно обозначить известным изречением: мы уже вышли из пещеры, но пещера пока не вышла из нас. И настолько «не вышла», что сегодня мы являемся свидетелями чуть ли не этнического ренессанса.

Спору нет, над человеком — гражданским истории — еще долго придется трудиться. Цель, однако, выбрана правильно, и человечество — в лице его лучших представителей — последовательно движется в ее направлении. Есть отступления, попятные движения, издержки, наконец, но другим реальный путь развития и не бывает. Гегель как-то заметил, что история повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй — в виде фарса. Поэтому нужно идти вперед, и только так можно избежать этноисторического фарса.

В своей примордиальной определенности этничность стоит на пути формирования гражданской общности людей. Но ей тоже можно найти место под солнцем современности. Для этого, правда, нужно набраться мужества и согласиться с тем, что этничность, подобно церковности, церкви в светском государстве, должна быть отделена, скажем решительнее — отлучена от государства, государственной организации общественной жизни. Тогда она станет тем, чем и должна сегодня быть, — фольклором, сельским и городским, факультативным началом в жизни человека и общества. От этого в ее палитре наверняка появятся новые краски, а ее способность украшать, разнообразить жизнь, особенно на уровне повседневного существования человека, только выиграет.

Е. В. Золотарева

Историческая и концептуальная эволюция гражданского общества в парадигме западной цивилизации

1. Новизна исследования гражданского общества в философски-правовых доктринах Нового времени (в сравнении с античностью и средневековьем) заключалась в аналитическом различении между государством и социумом. Термин «гражданское общество» начиная с XVII в. применяется по отношению к институтам, действующим автономно от государства. В то же время гражданское общество (как и государство) рассматривается как социальный артефакт — оно является результатом спонтанной активности индивидов, заключающих между собой договор, с целью установления нового институционального порядка, основанного на принципах свободы, справедливости, равенства для поддержания гражданского мира и достижения экономического процветания.

Метафора «общественного договора» отражала реалии европейской истории XVII в. — заключение Вестфальского договора, заложившего нормативно-право-

вые основы новых форм и принципов управления — национальный суверенитет, разделение властей, народное представительство, конституционализм, институт гражданства.

Десакрализация политической власти и повсеместное утверждение принципов «естественного права» способствовали возникновению новых форм социального общежития — обособлению публичной сферы, автономии экономической деятельности, появлению новых социальных групп — классов и новых национальных общностей, основанных на гражданской солидарности.

Нарратив «общественного договора» и «естественного права», присутствующий во всех философски-правовых доктринах гражданского общества XVII—XIX вв., являлся обобщенным выражением смены нормативной парадигмы, легитимирующей новый институциональный порядок и новые принципы структурирования цивилизационного пространства, сначала в Западной Европе, а затем и в Северной Америке.

2. Референтом гражданского общества в работах раннесовременных философов, как правило, выступало общество эпохи Просвещения, однако факт включенности гражданского общества в национально-государственные границы в условиях многовекторности и многовариантности национально-государственного строительства способствовал появлению различных интерпретаций феномена гражданского общества и множественности трактовок характера отношений, складывающихся между гражданским обществом и государством.

Одни авторы обращали внимание на существование каузальной связи и генетической преемственности между гражданским обществом и государством: политическая власть конституируется гражданским обществом, но затем государство занимает по отношению к гражданскому обществу доминирующее положение (Т. Гоббс, Дж. Локк).

В работах других гражданское общество рассматривалось как относительно автономная структурная единица (А. Смит, Т. Пейн), как особая «внегосударственная сфера» социума (А. де Токвиль) или как социальный контекст существования государства (Ш. Монтескье, Ж-Ж. Руссо, Ж.А. Кондорсе). У Г.В. Ф. Гегеля оно занимало промежуточное положение между семьей и государством, затем в более поздних работах — поглощалось универсальным государством. К. Маркс рассматривал гражданское общество как синоним буржуазного, а следовательно, исторически преходящую форму развития. В то время как в либерально ориентированных доктринах гражданское общество рассматривалось как несомненное цивилизационное достижение.

Несмотря на существующие различия в способах рассмотрения гражданского общества и оценки его исторических перспектив к концу XIX в. сложилось устойчивое представление о гражданском обществе как о десакрализованном пространстве социальной активности отдельных индивидов и добровольных ассоциаций и организаций, защищенном от прямого вмешательства и произвольной регламентации со стороны органов государственной власти, при наделении государства как института верховной власти монополией на применение средств насилия во внутренней и внешней политике.

3. К середине XX в. по мере усложнения системы международных отношений и эволюции либерального государства в социальное, гарантирующего защиту не только гражданских, но и политических и социальных прав, и активно участвующего в регулировании экономики, возникла угроза этатизации гражданского общества и замещения гражданских структур корпоративными.

Однако в этот период фокус философско-политического дискурса смещается с проблем гражданского общества на проблемы демократии (прямой, представительной, экономической и политической) и на развитие демократических систем.

В политических и социологических теориях XX в. философско-антропологический и институциональный подход постепенно вытесняется системно-структурным и системно-функциональным подходами (Т. Парсонс, Д. Истон, Н. Луман).

Семантическим эквивалентом термина «гражданское общество» становится термин «социетальное сообщество», свободный от нормативно-ценностных коннотаций либеральной идеологии.

Современное общество рассматривается как органически развивающаяся, комплексная дифференцированная система, в которой интегрирующая роль принадлежит «социетальной подсистеме». «Социетальное сообщество» как сеть взаимопроникающих коллективных идентичностей — семейные ячейки, церкви, неправительственные учреждения, ассоциации, — образует социетальную подсистему и находится в сложном взаимодействии со структурными элементами экономической и политической подсистем.

В политическом анализе социетальное сообщество рассматривается не столько в соотнесении с государством как агентом политических отношений, сколько с политической системой, представленной относительно автономными структурами административно-бюрократической, законодательной и судебной власти.

В итоге исследование гражданского общества оказалось фрагментировано на конкретные предметные области — политическое участие, электоральное поведение, партийные системы, социальные движения, общественное мнение и т.д.

4. Эпоха глобальных трансформаций, в которую вступил современный мир в конце XX столетия, отмечена возрождением интереса ученых и политиков к гражданскому обществу как к социальному явлению и как к теоретической концепции. В значительной степени оно обусловлено возросшей активностью международных экономических и политических организаций, включая неправительственные объединения. Транснациональные сети, пронизавшие почти все сферы человеческой деятельности, оказали большое влияние на изменение конфигурации внутривнутриполитического и международного пространства, актуализировав проблему эффективного глобального управления, осуществляемого сетью международных организаций, действующих на разных уровнях, и проблему перспектив конституирования «глобального гражданского общества» [17].

Однако уже в начале третьего тысячелетия — «эпоху нулевых» (под влиянием терактов 11 сентября 2001 г., кризиса 2008 г.) внимание политиков и ученых начало смещаться на исследование негативных сторон глобализации: угроз и рисков, связанных с ослаблением роли национального государства, «деполитизации политики», «плохого» гражданского общества [9. С. 285].

Апатия и самоизоляция гражданских ассоциаций, разрушение коммуникативного пространства, нежелание воспринимать политических оппонентов в качестве равноправных политических партнеров рассматриваются как тревожные симптомы, потенциально разрушительные для гражданского общества и гражданской культуры.

5. В последнее десятилетие резко возросло количество работ, рассматривающих гражданское общество как опосредующее звено в трехчастной модели современного комплексного общества: государство — гражданское общество — экономика и как институциональную основу публичной сферы. Пространство публичной сферы — сферы личной свободы и межличностной коммуникации — позволяет индивидам и социальным группам открыто обсуждать существующие образцы и нормы социального взаимодействия и эффективность структур управления с точки зрения их соответствия требованиям устойчивого развития и минимизации рисков, а при необходимости инициировать их изменение (Ю. Хабермас, Д. Драйзек, К. Оффе).

Критически опосредующая роль публичной сферы заключается в разграничении сфер политики и экономики с целью предотвращения бюрократизации экономики и политической коррупции, а также в направлении недовольства и протестных настроений общественности в конструктивное русло рефлексивной делиберативной политики и публичного дискурса.

Многообразие концептуальных трактовок гражданского общества, разрабатываемых «к Востоку и к Западу от Эльбы», и различия в артикуляции его наиболее значимых характеристик — индивидуальная свобода или коммунитарная солидарность, — на которое обращал внимание А. Сэлигман в публикации «Гражданское общество как идея и идеал» [8. С. 13], создают пространство для продолжения критического публичного и профессионального, политического и теоретического дискурсов, нацеленных на выявление точек «межцивилизационных пересечений» и формирование эффективной публичной политики.

Д.Б. Казаринова

**Кризис европейской политики культурного плюрализма
и процесса евроинтеграции как вызов гражданскому обществу**

Одна из наиболее обсуждаемых в научных изданиях и в масс-медиа тем — глубокий и весьма продолжительный кризис Евросоюза, спровоцированный экономическими сложностями в ряде государств-членов.

Оценки перспектив этого кризиса, далеко не первого и, вероятнее всего, не последнего в истории европейского интеграционного процесса, разнятся диаметрально.

Ряд экспертов предсказывают скорый крах не только зоны евро, но и всего интеграционного проекта.

Другие говорят, что история ЕС состоит из череды кризисов и их преодоления и что отказ от экономического (в том числе финансового и фискального) суверенитета стран-членов и усиление наднациональных органов лишь интенсифицирует процесс углубления интеграции.

Параллельно с этим Европа переживает общий для многих стран социальный кризис, связанный с провалом политики мультикультурализма, что было официально признано ведущими европейскими лидерами.

Заявления о том, что политика мультикультурализма оказалась не только неэффективной, но даже ведет к мультиконфликтам, как в Косово и Ливане, принадлежат ультраправой риторике, но пользуются сочувствием у все большего числа европейцев. Этот процесс получил такое развитие в последние годы, что ряд экспертов указывают на смену вех: «Когда первая скрипка (*европейской политики*) и дирижер по совместительству (А. Меркель) бросает протертую до дыр партию Multiculturalism Symphony, которая, надо сказать, всегда звучала фальшиво, то что перед нами, если не окончание целой небольшой эпохи» [5].

«Фундаменталистское искажение культурного плюрализма» [7. С. 75] во внутренней жизни европейских обществ — одна из самых злободневных, по Ю. Хабермасу, проблем. Он настаивает: отсутствие адекватного процесса интеграции мигрантов в первом, втором и третьем поколениях представляет собой «вызов гражданскому обществу, а не министру внутренних дел» [7. С. 75].

Дискурсу мультикультурализма свойственно приписывание этнокультурного характера процессам, по сути являющимся скорее социальными, т.н. «культурализация социального, влекущая за собой этнизацию политического» [4. С. 164].

В Европе эти процессы наблюдаются повсеместно.

Особенно ярко они проявились во время выступлений во французских пригородах в 2005-м, когда явно социальные по целям, лозунгам, методам борьбы выступления были истолкованы как этнокультурные [3. С. 129—132].

Таким образом, идеология мультикультурализма стала играть не интегративную, а дезинтегративную роль, а «дискурс различия выступает как источник различия. Чем более активно в общественных дискуссиях муссируется тема культурной чуждости, цивилизационной (не) совместимости, столкновения и диалога цивилизаций, тем глубже участники этих дискуссий начинают верить в определяющую роль «культурных» факторов собственного поведения» [4. С. 165].

Происходит некая стереотипизация, вызванная в первую очередь недостатком реального знания и понимания сущности социально-политических процессов, происходящих внутри самого общества. Это говорит о недостаточности адекватной коммуникации между отдельными социальными, и далеко не только этнокультурными, группами. Эту функцию призвано выполнять гражданское общество, и недостаточность такой коммуникации даже на национальном, не говоря уже об общеевропейском уровне, — это вызов ему. Ведь именно гражданское общество «производит переговорную силу» [2. С. 158].

Разграничение проблем социально-экономических и подлинно этнокультурных снизит возможности для популистской риторики и сделает европейскую политику более стабильной и транспарентной. Результат президентских выборов во Франции демонстрирует, что, в конечном счете, социальная проблематика оказывается важнее этнонациональной.

Европейские исследователи и интеллектуалы подчеркивают, что существующие расхождения в стратегиях стран — членов ЕС, приводящие к отсутствию общего «знаменателя» европейской политики, объясняются не только различием

в актуальных политических интересах, но также и историческими и социокультурными различиями как между субкультурами в рамках национальных границ, так и между народами Европы.

То есть, выражаясь в категориях *path dependency problem*, у стран со столь различным прошлым не может быть общего будущего.

Вернее сказать, даже пересекшись в точке «Европейский Союз», траектории развития национальных государств будут в дальнейшем уводить их в стороны друг от друга.

Проблематика *path dependency* активно обсуждается в рамках теорий становления и развития гражданского общества. Она предполагает, что в определенные моменты возможен качественный сдвиг, точка институционального выбора, выбора надконституционных норм [2], которые определяют дальнейшее развитие общества. Возможно, эта точка сдвига уже пройдена. Как утверждает Ю. Хабермас, «В Европе осуществление конституционных норм служит настолько неоспоримой предпосылкой совместной жизни, что исторический призыв к защите наших «ценностей» предстает как семантическое вооружение против неопределенного внутреннего врага» [7. С. 77].

Нормативная сила ЕС — тот общий знаменатель, на котором основывается европейское единство, актуализирующееся как внутри самого Евросоюза, так и вовне, служа основой его «мягкой силы» во внешнеполитических отношениях.

Принципиально отметить, что нормативность — характеристика, далекая от других традиционных критериев «европейскости»: географических (от Атлантики до Урала), культурно-религиозных (христианство), исторических (общность исторической судьбы народов Европы). Она касается, прежде всего, принципа взаимодействия государства (или надгосударственных образований) и гражданского общества.

Безусловно, во взаимоотношениях гражданского общества и национального государства, сложившихся за долгую историю становления, гораздо больше транспарентности и эффективности, чем в отношениях гражданского общества с наднациональными политическими институтами. Страны — члены Евросоюза «в ходе европейского объединения утратили значительную часть демократической субстанции» [7. С. 74].

Политическое объединение Европы, создаваясь как элитарный проект, продолжает оставаться таковым, все более вызывая упреки в демократическом дефиците.

Общее мнение о корнях проблемы — отсутствие общеевропейского гражданского общества и европейских медиа. И, что является самым значимым, пока сами национальные публичные сферы не откроются друг для друга, никакое усиление демократических наднациональных институтов представительского характера не решит этой проблемы. А, по мнению Ю. Хабермаса, «переналадка элитарного проекта на модус гражданской политики» [7. С. 82] должна и может решаться только в контексте решения центрального вопроса о конечной цели евроинтеграции, ее «большого нарратива».

Причем практика показывает, что когда европейская идея, «большой нарратив», обсуждается в экспертном сообществе, пускай даже очень широком и пред-

ставительном, как, например, Конвент для будущего Европы, и его решения выносятся на политическую арену, они отвергаются большинством населения стран — членов ЕС, как была отвергнута Конституция.

Политики и интеллектуалы не смогут выдвинуть «большой нарратив», который найдет воплощение в политической практике, но его сможет и с необходимостью должно сформулировать гражданское общество.

На диалектически-противоречивую взаимосвязь проблемы «демократия — консенсус относительно политической идентичности общества — культурное разнообразие» указывает Ч. Тейлор [6].

Для него выход из этого противоречия — подлинная, а не искаженная, идеология мультикультурализма — это представление о том, что общество «определяется способностью приветствовать и интегрировать различия», то есть внутренней открытостью.

Две главные проблемы Европы — дальнейшее сосуществование в рамках ЕС и эффективный межкультурный диалог внутри европейского общества, оказываются, таким образом, теснейшим образом взаимосвязанными.

Рецепт их решения прост в формулировке, но трудно осуществим на практике: «одновременно уважать принадлежность к иноземным культурам и чужим религиозным общинам в их инобытии и вовлекать их в гражданскую солидарность» [7. С. 75].

Решение этой проблемы — это одновременно и решение проблемы дальнейшей евроинтеграции. Транснациональное расширение гражданской солидарности по всей Европе, одновременно по вертикали (в рамках национальных сообществ между различными этноконфессиональными сообществами) и по горизонтали (между национальными государствами на наднациональном уровне) — процесс взаимообусловленный.

«Общеввропейская идентичность сможет образоваться тем скорее, чем больше во внутренней жизни отдельных государств откроется плотная ткань каждой национальной культуры... Внутреннее раскрытие замкнувшихся в себе культур открывает их также и друг для друга» [7. С. 76].

Несмотря на подобные заявления европейских интеллектуалов, в общественном мнении, находящем свое политическое выражение в результатах выборов, наблюдается диаметрально противоположный сдвиг.

Правые и ультраправые настроения усиливаются во многих странах. Результаты первого тура президентских выборов во Франции показали, что никогда доселе в истории этой страны столь высокий процент населения не поддерживал ультраправую политическую силу.

Идеи закрытости все более явно проникают в европейские общества. В то же время оказывается, что социальная проблематика по-прежнему превалирует в политической иерархии и способна более эффективно объединять людей под своими знаменами.

Сказанное, однако, не означает, что внимание следует сосредоточить исключительно на социальных проблемах и политических путях их решения. Все «те

проблемы, которые открываются столь явно в Европе в настоящее время, не могут быть решены инструментально, политически, нормативно без исторического регресса к различным формам отчуждения в обществах.

Новая перспектива потребует нового обоснования принципов человеческого общежития, иной проблемной и смысловой разметки.

И здесь уже бремя всех сторон — идти к солидарному миру, потому как другие дороги и тропы ведут в противоположном направлении, где победа означает поражение» [5]. И необходимость новых подходов, взглядов, новой повестки дня в Европе становятся в первую очередь вызовом ее гражданскому обществу.

В.В. Трухачев

**Новое поколение Мексики как основа гражданского общества:
между выборами и инновациями**

В настоящее время молодежная политика мексиканского правительства очень разнообразна и разновекторна. Правительство Ф. Кальдерона крайне заинтересовано в благополучии молодежи, которой в стране насчитывается около 36 млн чел., и путем разнообразных программ старается адаптировать массы молодежи к современному трансформирующемуся обществу, где угрозой представляет выпадение больших групп населения из поступательного социального развития и их быстрая маргинализация. Это задача не только правительства, но и самих мексиканцев от 12 до 29 лет, которых в этой стране принято относить к молодежи [12. Р. 3].

В сфере образования молодежь Мексики не всегда удовлетворяет свои насущные потребности, так как сама система страдает от не вполне грамотного перераспределения ресурсов, что происходит подчас из-за забюрократизированности этой сферы и зависания выделяемых правительством средств на различных уровнях.

Вместе с этим мексиканское правительство предоставляет достаточное количество стипендий для получения среднего и высшего образования, но и это не снимает проблему ухода из школ, колледжей и университетов недоучившейся молодежи. Это вызвано как финансовыми трудностями большей части населения, так и неблагоприятной социальной средой, с чем правительство старается бороться, напрямую финансируя доставку учащихся из мест проживания в учебные заведения, с помощью оплаты их питания и учебных пособий и т.д., но очевидных результатов по этому направлению пока добиться не удалось [16. Р. 21—35].

Реформируя систему образования, правительство Ф. Кальдерона стремится отойти от старых догм и правил в деле обучения молодежи и сделать систему образования более инновационной и интерактивной.

Но на реформирование системы образования активно воздействуют профсоюзы работников данной сферы, которые исторически тесно связаны с политическими партиями, что приводит к ненужной политизации проводимых изменений и торможению положительных процессов.

Что касается занятости, то существует проблема огромной безработицы среди молодежи, которая толкает молодых мексиканцев в ряды уличной преступности и делает их легкой добычей для наркокартелей.

Проблема незанятости базируется на недостатке образования, на отсутствии доступа к информации, на коррупции в обществе и на ряде других социально-исторических причин, которые образуют замкнутый порочный круг.

Правительство пытается разрубить этот гордиев узел путем поддержки малого и среднего бизнеса и стимулирования занятости молодежи, но осязаемых достижений данная политика на сегодняшний день не приносит [14].

В сфере здоровья мексиканской молодежи ситуация далеко не однозначна.

За последние годы удалось кардинально снизить уровень табакокурения среди молодежи, но продолжают остро стоять вопросы употребления алкоголя и наркотиков. В Мексике, где огромное число молодежи гибнет, управляя автотранспортом в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, эти явления приобретают особую значимость [12. Р. 34].

Действующее правительство планирует ввести запрет на употребление алкоголя лицами в возрасте до 21 года и ужесточить наказание за оборот и употребление наркотиков.

Уличная преступность и наркокартели активно втягивают молодых людей в свои антиобщественные деяния, и действующей власти представляется жизненно необходимым вовлечение масс молодых мексиканцев в спортивные секции, клубы, предоставление им возможности занять себя делом и тем самым защититься от пагубного влияния.

В данном контексте активную роль играют местные и зарубежные НПО, которые помогают правительству претворять в жизнь многие молодежные программы, особенно в тех штатах, где у правительства, в силу разных причин, нет возможности этим заниматься (См.: [15]).

Важной частью работы правительства страны является повышение финансовой грамотности молодежи.

Из-за отсутствия культуры сбережения средств и обращения с деньгами многие мексиканцы перманентно находятся в долговых ямах или постоянно испытывают проблемы со средствами.

Правительство Мексики и заинтересованные институты, проводя обучающие курсы по всей стране, стремятся научить молодежь быть финансово самостоятельной, прививают ей начальные принципы накопления и инвестирования средств, что в целом должно благоприятно сказаться на социально-экономическом климате в обществе [11. Р. 80—94].

Следует отметить активную работу мексиканского правительства в области налаживания контактов с молодежью других стран, особенно актуальна эта тема в свете встречи «молодежной двадцатки» в рамках «Г-20», которая состоится 9—11 мая 2012 года в г. Пуэбла.

В рамках нее молодым делегатам предстоит выработать проект документа, который будет представлен на утверждение странам — участницам Саммита Г-20 в июне, а темами форума станут: экономическая стабильность, развитие финансовых связей, занятость молодежи, международная торговля, продовольственная безопасность, зеленый рост, глобальное управление, будущее «Г-20».

Для решения поставленной задачи молодые делегаты будут вместе работать над заданной темой с помощью инструментария аналогичного тому, который используют шерпы Г-20 в своей деятельности.

Кроме этого, правительство Ф. Кальдерона уделяет повышенное внимание проведению в июне 2012 г. в Мексике саммита молодых предпринимателей, который ставит своей целью предоставление возможности молодежи из разных стран мира обменяться мнениями относительно развития бизнеса и экономики.

Для решения вышеперечисленных задач правительство Мексики активно пользуется потенциалом Мексиканского института молодежи для более слаженной работы в области молодежной политики. К примеру, Институтом недавно был создан и успешно функционирует интерактивный портал для мексиканцев, на котором они в режиме реального времени могут получить необходимую квалифицированную поддержку и совет по возникшим трудностям, относительно трудоустройства, улучшения здоровья, образования и т.п.

С помощью данного web-ресурса Мексиканский институт молодежи надеется обеспечить молодым мексиканцам равенство возможностей в доступе к столь необходимой им информации, без дифференциации по уровню образования, месту жительства и материального положения [14].

В итоге можно говорить о том, что положение молодежи в Мексике достаточно устойчиво, несмотря на ряд вышеобозначенных проблем и недоработок.

Действующее мексиканское правительство уделяет повышенное внимание молодежи, особенно перед предстоящими президентскими и парламентскими выборами, на которых оно надеется привлечь на свою сторону молодых избирателей.

Однако проводимые преобразования нельзя назвать популистскими, так как очевидны положительные изменения в мексиканском молодежном социуме на различных уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

- [2] *Арато Э., Коэн Дж. Л.* Гражданское общество и политическая теория / Пер. с англ. / Общ. ред. И.И. Мюрберг. — М.: Весь Мир, 2003.
- [3] *Аузан А.* Три публичные лекции о гражданском обществе. — М.: ОГИ, 2006.
- [4] *Казаринова Д.* Европейская интеграция: политико-институциональное и социокультурное измерения. — М.: РТВ-медиа, 2006.
- [5] *Малахов В.* Культурный плюрализм Versus мультикультурализм // Логос. — 2000. — № 5—6.
- [6] *Никифоров А.* Меркель и конец мультикультурализма // Русский Журнал. — 15.11.2010 // URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Merkel-i-konec-mul-tikul-tralizma>
- [7] *Тейлор Ч.* Защищая мультикультурализм // Русский журнал. — 06.12.2010 // URL: <http://www.russ.ru/pole/Zaschischaya-mul-tikul-turalizm>
- [8] *Хабермас Ю.* Ах, Европа. Небольшие политические сочинения, XI. — М.: Весь мир, 2012.
- [9] *Chamber S., Kymlicka W.* Alternative Conceptions of Civil Society. — Princeton: Princeton Univ. Press, 2002
- [10] *Chamber S., Kopstein J.* Bad Civil Society // Political Theory. — December 2001. — Vol. 29. — № 6.
- [11] *Edwards M.* Civil Society. — London: Polity Press, 2003.
- [12] *Emprendedurismo. Encuesta y análisis.* — México, 2011.
- [13] *Encuesta Nacional de Juventud 2010.* Instituto Nacional de la Juventud. — México, 2010.
- [14] *Habermas, J.* The Inclusion of the Other: Studies in Political Theory. — Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2000.
- [15] *Juventud, cultura y política social.* Instituto Mexicano de la Juventud. — Mexico, 2008.

- [16] Participación política y derechos humanos. Instituto Mexicano de la Juventud. — México, 2010.
- [17] Políticas públicas para promover el empleo juvenil y el emprendedurismo de los jóvenes en México. — Regina Galhardi y Laura Rodríguez, México, 2011.
- [18] *Smith M.* Global Civil Society? Transnational Social Movement Organizations and Social Capital // *American Behavioral Scientist.* — 1998. — Vol. 42. — № 1.

**THESIS OF THE ROUND TABLE:
«CIVIL SOCIETY: NEW DIMENSIONS AND THE POLITICAL ROLE
IN THE MODERN WORLD»**

The Department of Comparative Politics
People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

On 9 of September 2012 at the Faculty of Humanities and Social Sciences of the PFUR was held the round table «Civil Society: New Dimensions and the Political Role in the Modern World». This event was prepared by the Department of Comparative Politics of the PFUR.

Key words: civil society, political modernization, democratization, political process.